

ХРАНИЛИЩА РУССКОЙ ДУШИ

**Лейла Александер-Гарретт. Четыре столицы и любимый Шарик.
Бослен, 2017.**

Лейла Александер-Гарретт, автор лежащей передо мною книги «Четыре столицы и любимый Шарик», — человек, мне хорошо известный. Несколько лет назад я писала про ее дебютную книгу «Андрей Тарковский — толкователь снов» (АСТ, 2009).

Лейла работала переводчицей на последнем фильме мастера «Жертвоприношение», вела в это время дневник, куда попало много метких наблюдений начинающего киноведа и филолога-полиглота, по капризу судьбы изучавшего русскую филологию в Стокгольмском университете.

С тех пор мы подружились, и Лейла, жительница Лондона, присылала к нам в «Чайку» свои записки об увиденном в разных странах, а на мою личную почту — чаще всего восторженные отзывы о встреченных ею людях, спектаклях, фильмах и книгах. Она из тех, кто «влюбляется» в людей и места. И собака Шарик, жизни и смерти которой посвящена отдельная повесть «Шарушка», для нее не просто представитель «королевской породы» кавалер-кинг-чарльз спаниель, а часть души. Ведь вот и в названии есть необязательное слово «любимый», да и вся повесть написана от лица собаки.

Предвижу, как, дойдя до этого места, многие читатели иронично улыбнутся, мол, знаем этих собачников-кошачников, весь Интернет переполнен рассказами об их любимцах. Скажу на это, что «Шарик» служит как бы приложением к основному тексту, а там, в его четырех частях, Лейла рассказывает о четырех столицах, ставших для нее родными. И первая из них — Москва, вторая — Пекин, третья — Стокгольм и четвертая — Лондон.

Как рассказать о городе? Тот способ, который выбран Лейлой, пожалуй, наиболее привлекателен — ты путешествуешь, навещаешь друзей и знакомых, ходишь в театры и музеи — и из калейдоскопа каждодневных впечатлений и извлеченных из истории фактов складывается красочный мозаичный портрет того или иного города.

В этом смысле интересен портрет Москвы. Заглавие запискам о российской столице дали строчки из Цветаевой «Москва... мы все к тебе придем».

Выберем из них несколько ярких разноцветных камушков. В Москве Лейла остановилась в «Метрополе». И вокруг этого здания — а гостиницу «Метрополь» основал в Москве купец и меценат Савва Мамонтов, первоначально предполагая создать вокруг оперный комплекс, — очень многое вертится. Самое первое — писательница рассказывает биографию Саввы Ивановича, а заодно и его тезки и «близнеца» в деле меценатства Саввы Морозова, много сделавшего для создания Московского Художественного театра в Камергерском. Оба жили практически в одно время, принадлежали к сословию богатых купцов, и оба, как сказано в книге, «заразились одержимостью к искусству». К тому же конец у обоих был трагический. Савва Морозов застрелился в Каннах в 1905 году, а Савва Мамонтов разорился и потерял репутацию честного человека... Как эти события случились и почему в смерти Саввы Морозова обвиняют спонсируемую им партию большевиков, прочитайте у Лейлы Александер Гарретт.

С «Метрополем» же связана жизнь Александра Вертинского и его семьи, проживших здесь несколько московских лет. Этому артисту и шансонье Лейла уделяет много места, приводя его стихи, рассказывая о влюбленностях — в роковую женщину Валентину Санину, красавицу поэтессу Лариссу Андерсен — и подробно останавливаясь

на его женитьбе в 1942 году на Лидии Циргваве, бывшей моложе мужа на 34 года и подарившей ему двух очаровательных «доченок».

В баре гостиницы «Метрополь» проводил время еще один персонаж Лейлиных записок. Это итальянец Курцио Малапарте. Слышали о таком? Читала о нем в интереснейшей книге Лидии Яновской, повествующей о Булгакове. Действительно итальянец, приехав в Россию, познакомился с Михаилом Афанасьевичем и даже, возможно, стал отдаленным прототипом того самого «иностранца», что прибыл в столицу в самом начале романа «Мастер и Маргарита», а именно: Воланда.

Очень интересным и необычным мне показался рассказ Лейлы о любимом нами артисте Ролане Быкове. История вызвала у меня прямо-таки эпатажную реакцию, никогда не воспринимала актера с житейской стороны и даже не предполагала за ним хронической российской болезни.

Но, стало быть, и он нес печать этого национального недуга, а люди в этом состоянии не соображают, что делают и говорят. Так что, прочитав этот эпизод в книге, не судите строго талантливейшего актера и режиссера. Был не в себе.

Лондонка Лейла Александер-Гарретт встречалась в Москве со своими старинными друзьями, которые, естественно, попали на страницы ее книги. А я знала про них еще до книги, ибо писательница отличается трогательным желанием познакомить одних своих друзей с другими путем присылки их художественных опусов, линков на выступления, фильмов, ими или о них снятых.

Рассказы москвички Галины Бирчанской благодаря хлопотам Лейлы мы публиковали в «Чайке», то же случилось, кстати говоря, с помянутым в книге лондонцем Александром Шиваргом, чье написанное 40 лет назад в Китае стихотворение «Листопад» стараниями Лейлы Гарретт было помещено в нашем журнале. Среди московских знакомых Лейлы и прекрасный художник-мультипликатор Юрий Норштейн, и сестра Андрея Тарковского Марина Тарковская с мужем — режиссером Александром Гордоном, и замечательный певец и артист Лойко. Читая страницы, посвященные этому талантливому представителю цыганского племени, я вспоминала, как Лейла прислала мне его запись еврейской песни, поразительно напомнившую мне пение моего дедушки, в хорошую минуту запевавшего что-то эдакое, рвущееся из души, и тогда приходило понимание, почему Марк Розовский именно этого скрипача-цыгана пригласил на роль еврея Сашки в купринском «Гамбринусе».

В московскую главу Лейла поместила и своих ташкентских друзей. Родившись в Ташкенте, в семье матери-белоруски и русского летчика, Лейла Александер-Гарретт бережет свои ташкентские привязанности и связи. Назову двух удивительных женщин, в книге упомянутых. Это Светлана Юрьевна Завадовская, дочь известного арабиста, в 1950-х вернувшегося с семьей из французской эмиграции на родину, сохранению его памяти и трудов посвятила себя Светлана Завадовская. Еще одна бывшая «француженка», не по собственной воле осевшая в Ташкенте, баронесса Юлия Николаевна Рейтлингер. Признаюсь, посмотрев фильм о ней еще до чтения книги — линк, как всегда, прислала Лейла, — я расчувствовалась. Уж очень трогает судьба богатой аристократки, в эмиграции ставшей тайной монахиней, духовной дочерью отца Сергея Булгакова, в 1955 году оказавшейся в советском Ташкенте и живущей там в нищете и заброшенности. Но выживание в тяжелейших обстоятельствах было сопряжено с настоящими чудесами. В то безбожное время она стала писать иконы, не для продажи, а для дарений. В фильме есть некоторые из этих сохраненных людьми икон. Они светятся, от них нельзя оторвать глаз. В последние годы своей жизни Юлия Николаевна познакомилась с отцом Александром Менем, оценившим и поддержавшим ее творчество. Автор нашего журнала, ученик отца Александра Сергей Бычков как-то написал

мне, что хранит икону Юлии Рейтлингер, присланную им с женой на свадьбу (обычно сверху в посылке лежали макароны).

Кроме записок о Москве, в книге Лейлы Александер-Гарретт вы найдете очерки еще о трех столицах. Все написаны — по живым впечатлениям. «Сквозняки Поднебесной» — после поездки в оздоровительно-медитативную поездку в Пекин. Стокгольм—Помпеи — по следам очередного посещения, влюбления в столицу Швеции. И читатель поневоле втягивается в атмосферу этого северного города, овеянную древней историей, связанного для русских с присутствием в нем Андрея Тарковского. Чудесное совпадение: дом, где жил режиссер, стоял на улице Андрегатен (то есть улицы Андрея), возле Русского залива. В Швеции Тарковский снимал свой последний фильм «Жертвоприношение», а переводчик со всех языков Лейла Александер-Гарретт, тогда совсем молодая девушка, стала для него помощницей, другом и впоследствии автором проникновенной биографической книги.

Последний очерк о городе посвящен Лондону и называется «Утро в парке». Лейле повезло жить возле чудесного парка Примроуз-Хилл. И в рассказе о своей «деревне» автор сочетает лирику с историей. Знали ли вы, что первую королеву Англии звали Боудикка (от кельтского «победительница») и она захоронена как раз под описанным Лейлой холмом?

Но остановлюсь, ибо книги следует читать, а не пересказывать.

«Четыре столицы и любимый Шарик», кроме текста, содержит еще многочисленные иллюстрации — фотографии городов. Больше всех прочих иллюстраций мне понравился размещенный в самом конце книги карандашный портрет автора с любимым Шариком на руках, написанный Людмилой Петрушевской. Оба на нем несказанно счастливы, и есть в этом рисунке какое-то умолчание, какая-то дымка, говорящая о том, что история этой любви еще будет иметь продолжение, уже за пределами нашего мира... На это Лейла намекает в завершающей книгу повести о любимом Шарике.

Ирина ЧАЙКОВСКАЯ